

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ИЗВЕСТИИ ВОСТОЧНЫХ СОВРЕМЕННОК КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

М. А. ЗАБОРОВ (Москва)

Главная масса сведений о крестовых походах 1096—1270 гг. содержится в современных им западноевропейских хрониках и в хрониках историков Франкского Востока XII—XIII вв.¹ Эти произведения и доныне являются важнейшим источником при изучении захватнических войн рыцарства в Восточном Средиземноморье, ведшихся под религиозными знаменами. Написанные клириками и рыцарями, участниками и очевидцами крестовых походов, латинские хроники освещают их историю в апологетическом духе. Католические авторы стремились воспеть ратные подвиги крестоносных воинов и прославить богоугодные деяния служителей римской церкви—вдохновительницы и организатора крестовых походов². Неудивительно, что картина событий, которую рисуют латинские хроники, во многом тенденциозна и неполна, а во многом и просто фальшива.

Однако современная крестовым походам историография этих войн не исчерпывается исключительно произведениями, принадлежащими к латинской хронографии. Немало известий о причинах завоевательных предприятий западноевропейцев, об отдельных событиях и последствиях крестовых походов, а также сведений по истории государств крестоносцев передают арабские, армянские, византийские, сирийские и другие писатели христианского и мусульманского Востока. Правда, мы не найдем у них хроник или мемуаров, целиком посвященных крестоносным сюжетам (подобно сочинениям западных летописцев). Историки восточных стран останавливались на тех или иных эпизодах крестовых походов, общественно-политической жизни Франкского Востока, его взаимоотношений с арабскими, тюркскими, армянскими государствами и Византией лишь в рамках описывавшейся ими и интересовавшей их в первую очередь собственно восточной истории, истории своих народов. Иначе говоря, в произведениях восточных авторов XII—XIII вв. описания событий крестовых походов вплетаются в общую ткань их повествований, будь то всемирная хроника, мемуары или библиография. Тем не менее, сообщения этих писателей представляют исключительный ин-

¹ Обзор этих хроник см. в статье: М. А. Заборов. Современники-хронисты и историки крестовых походов. «Византийский временник», т. XXVI, М., 1965, стр. 137—148.

² См. подробнее в кн.: М. А. Заборов. Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI—XIII вв.), М., 1966, стр. 199 и сл.

терес: подчас по своей достоверности они превосходят проникнутые апологетикой, односторонние данные латинских хронистов.

Разумеется, было бы неверным принципиально противопоставлять восточные памятники крестовых походов латинским, как, например, поступает Г. Дмитриев: с его точки зрения, лишь восточные источники дают «реальную основу для научной критики» латинской хронографии крестовых походов*. Г. Дмитриев впадает в заблуждение, выдвигая подобный взгляд, ибо нет никаких оснований приписывать столь неслыханные преимущества восточным источникам. Действительно, почему мы вправе ожидать от восточных авторов большей объективности в отношении крестоносцев, нежели от латинских? Разве они не были людьми своего времени, подверженными его политическим и иным «страстям»? Разве они стояли вне политики, равнодушно внимая добру и злу? Такого рода представление нельзя расценить иначе как заведомо предвзятое.

Изучение памятников истории крестовых походов, наоборот, убеждает в том, что обе стороны по-своему пристрастны в освещении событий: с одной стороны, перед нами — католическая апологетика, с другой — апологетика византийская, сирийская, армянская и пр.; одни возвеличивают захватчиков-крестоносцев, другие стремятся их унижить; одни приписывают им несуществующие доблести и добродетели, другие, наоборот, изобличают, риторически мешая быль и небылицу. Г. Дмитриев, кстати, признает, что на рассказ Григория Проповедника об оставлении жителями Кесуна в 1138 г. повлияли настроения, которые «представляли собой психологическое отражение каких-то явлений общественных и политических отношений. Эти настроения не могли не сказаться в передаче хронистам отдельных исторических событий», — заявляет он (стр. 261). Но если так, то какие же причины видеть «реальную

* В рецензии на мою монографию «Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI—XIII веков)» Г. Дмитриев указывает (в качестве ее основного недостатка), что автор «почти не использует восточных источников, а армянские хроники на страницах его книги и вовсе не появляются» (см. «Историко-филологический журнал», 1968, № 1, стр. 260). При этом, однако, упускается из виду, что моя книга посвящена одной лишь латинской хронографии крестовых походов (к тому же упрек неточен: по крайней мере, дважды, на стр. 80 и 300, я ссылаюсь на хронику Марвея Эдесского), а латинская хронография — это «самобытная и оригинальная отрасль культуры и идеологии феодального общества», которая, как указывал акад. С. Д. Сказкин, «несомненно заслуживает отдельного и самостоятельного изучения» («Вопросы истории», 1967, № 12, стр. 176). На его важность «с методологической и методической точек зрения» обращает внимание и болгарский ученый Димитр Ангелов в своем обзоре «Византийского временника» за 1961—1966 годы (см. «Вопросы истории», 1968, № 7, стр. 150).

Предлагаемое вниманию читателя небольшое исследование, полагаю, с полной определенностью свидетельствует против представления Г. Дмитриева о недооценке мною восточных источников. Это исследование первоначально было задумано в форме приложения к названной монографии, но не могло быть напечатано в ней по недостатку места. Иначе говоря, статья подготовлена задолго до публикации в «Историко-филологическом журнале» рецензии Г. Дмитриева и абсолютно независимо от нее. (Статья получена редакцией до выхода первого номера журнала за 1968 г.; дополнения по поводу рецензии Г. Дмитриева внесены автором после выхода этого номера. *Ред.*)

основу» научной критики свидетельств западных авторов исключительно в сообщениях восточных памятников? Их нет. Рецензент не учитывает обязательности «перекрестного опроса» источников разного происхождения (в равной степени — и западных и восточных!) с целью нахождения истины.

Поэтому в каждом конкретном случае для выяснения достоверности тех или других известий надлежит сопоставить максимум данных всех наличных источников относительно занимающих исследователя фактов. Только тогда можно судить, на чьей стороне историческая правда: латинских или восточных повествователей? Само собой, все эти соображения отнюдь не снижают отмеченной выше ценности немалого числа восточных известий о событиях крестовых походов: учет этих известий позволяет, наряду с использованием других исследовательских приемов (внутренняя критика латинских хроник, привлечение археологических, нумизматических и иных памятников и т. п.) внести соответствующие коррективы в показания западных нарративных источников.

Сказанное в полной мере относится к прославленному армянскому историку первой трети XII в. Матвею Эдесскому (?—1136 г.). Его «Хроника»³ рисует главным образом историю Киликии и Великой Армении, Сирин и Месопотамии в промежуток времени между 952 и 1136/1137 гг. Пользуясь отчасти свидетельствами утраченных позднее армянских документов, отчасти — сообщениями очевидцев, отчасти — собственными наблюдениями, Матвей Эдесский осветил и ряд событий Первого крестового похода (1096—1099)⁴.

Обратимся к одному из крупных эпизодов Первого крестового похода — истории утверждения франков в Эдессе; посмотрим, что пишут об этом латинские авторы и армянский хронист; попробуем установить, кто из них лучше отразил подлинные факты.

Сообщая об обстоятельствах, при которых в начале 1098 г. у власти в Эдессе утвердился нижнелотарингский феодал Балдуин Булонский (брат Готфрида Булонского), западные историки, прежде всего капеллан Балдуина — Фульхерий Шартрский⁵, а также писавшие из вторых рук Гвиберт Ножанский и другие рассказывают, что граф Балдуин, став «на всю жизнь» другом прежнего правителя города, армянского князя

³ См. об авторе и его произведении: Н. Petemann, *Beiträge zu der Geschichte der Kreuzzüge aus der armenischen Quellen*, Berlin, 1960, стр. 84—87; A. Lüders, *Die Kreuzzüge im Urteil syrischer und armenischer Quellen*, Berlin, 1964, стр. 17—20; Г. Г. Микаелян. *История Киликийского армянского государства*, Ереван, 1952, стр. 134—135.

⁴ Ниже цит. по изданному Э. Дюлорье французскому переводу фрагмента, относящегося к истории Первого крестового похода: *Matthieu d'Edesse, Récit de la première croisade. Extrait de la Chronique de Mathieu d'Edesse et traduit de l'arménien par E. Dulaurier*, Paris, 1850.

⁵ Фульхерий при этом сам подчеркивает свою близость к Балдуину, дабы представить свой рассказ об эдесских событиях как вполне достоверный: *Ego vero Fulcherus Carnotensis capellanus ipsius Balduini eram. Fulcherii Carnotensis Historia Iherosolymitana*, „Recueil des historiens des croisades“, t. III, Paris, 1866, стр. 339 (ниже — RHC).

(куропалата) Тороса, был им усыновлен. Они описывают церемонию усыновления и условия, на которых оно было произведено (усыновитель объявил Балдуина своим наследником)⁶. Эти же авторы повествуют далее, каким образом вскоре после гибели Тороса, последовавшей в результате «злодейского» заговора горожан, власть над Эдессой естественным порядком перешла в руки его «сына» и «законного» преемника — Балдуина. Ход событий рисуется в латинских хрониках так, будто заговор против Тороса сложился безо всякого участия самого Балдуина: он не был к нему причастен и только воспользовался происшедшим. Горожане провозгласили его правителем вместо убитого князя; Балдуин таким путем лишь реализовал свои «права» на Эдессу⁷.

Более того, иные из западных хронистов, например Альберт Аахенский (который в данном случае по своему обыкновению расцвечивает суховатые известия остальных авторов измышляемыми им самим подробностями), а вслед за ним и Гийом Тирский⁸, изображают положение вещей таким образом, что Балдуин в разгар заговора будто бы взял на себя миссию посредника между Торосом и заговорщиками с целью уберечь своего «отца» от опасности. По рассказу Альберта, вооруженные горожане, явившись к Балдуину, вначале предложили ему принять участие в устранении Тороса, возглавив заговор. Но снательный крестоносец отклонил эти предложения, сославшись на то, что является сыном князя: до сих пор он не испытал от него ничего дурного и потому не видит причины участвовать в его низвержении. Балдуин, если верить Альберту Аахенскому⁹, заявил даже, что с его стороны было бы великим грехом перед богом без причины поднять руку на того, кого он считает отцом и кому поклялся в верности¹⁰. Вслед за тем он вступил в переговоры с Торосом, во время которых, судя по рассказу хрониста, приложил всяческие старания, чтобы спасти жизнь князя, но — безуспешно. Примерно так же передает развитие событий и Гийом Тирский. Для того, чтобы в наиболее благоприятном свете представить позицию Балдуина по отношению к заговору армянской знати против князя Тороса,

⁶ Там же, стр. 338. Ср. „Guiberti abbatis monasterii Sanctae Mariae Novigenti Historia qui dicitur Gesta Dei per Francos“ (далее — Guib. Novig.), RHC, t. IV, P., 1879, стр. 165. „Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana“, RHC, t. IV, стр. 353.

⁷ Fulch. Carnot, Op. cit., стр. 338: „machinati sunt cives urbis principem suum scelesti occidere... Balduino ad dominandum terrae in palatio sublimare“; Guib. Novig. Op. cit., стр. 165: „Balduinus ducatus sibi ex adoptione delatum strenue obtinuit“.

⁸ Полное сопоставление соответствующих отрывков текста обеих хроник см. в исследовании: В. Кнох, Studien zu Albert von Aachen, Stuttgart, 1966, стр. 169—171.

⁹ Достоверность его хроники была поставлена под сомнение Г. Зибелем свыше 125 лет назад; в конце XIX в. «репутацию» произведения Альберта Аахенского восстановил Б. Куглер; в наши дни эта проблема вновь привлекла внимание: западногерманский ученый Б. Кнох в диссертации, защищенной в 1965 г. в Бонне, развил теорию Б. Куглера: согласно его концепции, в основе альбертовой «Иерусалимской истории» лежит утраченная и притом вполне надежная лотарингская хроника. (См. В. Кнох. Op. cit., стр. 29—90).

¹⁰ Alberti Aquensis, Op. cit., стр. 354.

этот хронист обвиняет правителя Эдессы в намерении отказаться от соглашения, заключенного им ранее с Балдуином, и вступить в союз с турками. Тем не менее благородный Балдунн, и по Гийому Тирскому, пытается — правда, тоже безрезультатно — уберечь Тороса от гнева горожан¹¹.

Тенденциозность освещения такого важного эпизода истории создания первого государства крестоносцев на Востоке — княжества Эдесского — выступает в латинских хрониках чрезвычайно явственно.

По-другому изображает те же события их армянский современник и очевидец Матвей Эдесский. Согласно его рассказу, Балдунн был активным участником заговора против Тороса, своего приемного отца. «Когда граф Балдунн вернулся в Эдессу, — пишет Матвей (речь идет о его возвращении после битвы с сельджуками при Самосате во второй половине февраля 1098 г.¹²), — он нашел вероломных людей, советников, склонных к измене, которые вместе с ним составили заговор, чтобы погубить Тороса»¹³. Не довольствуясь этим известием несколько общего характера, историк приводит ряд деталей, касающихся заговора и показывающих подлинную роль в его подготовке и осуществлении предводителя нижелотарингских рыцарей, обосновавшихся в Киликии. «Сорок заговорщиков, — читаем мы в «Хронике», — соединившиеся ради этого дела Иуды, ночью пришли к Балдуину, брату Готфрида, и, посвятив его в свои преступные намерения, обещали передать ему Эдессу. Балдунн согласился примкнуть к заговору»¹⁴. Когда в понедельник, на пятую неделю великого поста (8 марта), заговорщики, поднявшие против Тороса народ, заняв крепость, в которой находился дом Тороса, окружили его, правитель Эдессы вступил в переговоры с врагами. «Отчаявшись, он обещал передать им город, если они принесут клятву в том, что пощадят его жизнь и позволят ему вместе с женой удалиться в Мелитену. Для принесения такой клятвы он дал им кресты Варака и Макеника»¹⁵. И Бал-

¹¹ Willermi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis Gestarum, RHC, t. I, Paris, 1844, стр. 156 и сл.

¹² R. Grousset, Histoire des croisades et du royaume franque de Jérusalem, t. I, Paris, 1934, стр. 55 [ср. Մատթէոս Եդեսացիի ժամանակագրութիւն, Վաղարշապատ, 1898, стр. 261. Ред.].

¹³ Matthieu d'Edesse, Récit de la première croisade, стр. 15. К сожалению, нам недоступен армянский оригинал, пользуясь которым Г. Г. Микаелян при изложении рассматриваемых событий дает совершенно иной перевод версии Матвея Эдесского (ср. Микаелян. Указ. соч., стр. 77). В то же время трудно согласиться с немецкой исследовательницей А. Людерс, будто «по современному сообщению роль Балдуина остается неясной» (А. Lüders, Op. cit., стр. 79: „nach dem zeitgenössischen Bericht bleibt die Rolle Balduins dunkel“) — вывод тем более странный, что а) Людерс также пользовалась французским текстом хроники Матвея Эдесского (Дюлорье), — видимо, она просмотрела цитируемое нами место; б) ниже она сама признает вероятность соучастия Балдуина в убийстве Тороса (там же, стр. 80).

¹⁴ Matthieu d'Edesse, Récit de la première croisade, стр. 15. [Ср. Մատթէոս Եդեսացիի ժամանակագրութիւն, стр. 261. Ред.].

¹⁵ Варака и Макеник — монастыри в Киликии: здесь хранились особо почитавшиеся в то время в Армении реликвии, в том числе и упоминаемые Матвеем Эдесским. (См. Matthieu d'Edesse, Op. cit., стр. 86, п. 6, 7 (E. Dulaurier).

дуин посреди храма святых апостолов поклялся на этих досточтимых реликвиях, что ему (Торосу) не будет причинен какой-либо ущерб. При этом он призвал в свидетели архангелов, ангелов, проросков, [иудейских] патриархов, апостолов, святых патриархов и весь сонм мучеников, заявив, что выполнит все то, что Торос просил у него... После того, как граф принес эту клятву, подкрепленную обращением ко всем святым, Торос передал ему крепость, и Балдуин, равно как и высшие городские сановники (участники заговора.— М. З.), вступил в нее». И далее армянский хронист описывает обстоятельства, при которых на другой день, т. е. 9 марта 1098 г., толпа горожан, поднятая заговорщиками, «вооруженная мечами и дубинами», схватила Тороса и «сбросила его вниз» (с башни); разъяренные люди, стоявшие внизу, кинулись на князя и «убили его, причинив жестокие муки»¹⁶.

Как видим, по Матвею Эдесскому, Балдуин не только не стоял в стороне от заговора, но, напротив, являлся соучастником этого преступления. Он проложил себе дорогу к власти через труп Тороса. Балдуин, следовательно, был связан с заговором эдесской городской верхушки. Он не пытался воспрепятствовать ему и вмешался в события 9 марта в сущности лишь для того, чтобы развязать руки противникам Тороса и подтолкнуть его во власть разбушевавшейся толпы эдесситов.

Имеются все основания считать показания Матвея Эдесского, вообще хорошо осведомленного относительно политической истории Киликии, более близкими к истине, нежели свидетельства западных историков, явно стремящихся оправдать переход Эдессы к Балдуину, приукрасив его поведение. Обращает на себя внимание тот факт, что армянский хронист нигде не предъявляет Балдуину прямого обвинения в убийстве Тороса. Можно предположить, что, поступая таким образом, Матвей Эдесский смягчает конкретные обстоятельства этого соучастия. Мы располагаем сообщением другого, позднейшего армянского историка, митрополита Василия Эдесского (скончался в 1172 г.), согласно которому Балдуин был и убийцей Тороса¹⁷. (Сообщение это сохранилось в передаче Мухаммеда Сирийца, включившего в свою «Хронику» отрывки из не дошедшего полностью до него самого труда названного армянского историка)¹⁸. Не исключено, конечно, что события происходили именно так, как их передает Василий Эдесский¹⁹. Но даже если верна версия Матвея Эдесского, т. е. если допустить, что он не отважился сказать всю правду (по словам А. Людерс, такое прямое обвинение могло бы не только оказаться опасным для самой жизни историка, но и вообще ухудшить

¹⁶ Там же, стр. 15—16 [Ср. *Մատթէոսի Սուհանյանի, Ժամանակագրութիւն, Երևան, 1962, стр. 262. Ред.*].

¹⁷ См. „Chronique de Michel le Syrien, ed. J. P. Chabot“, t. III, Paris, 1905, стр. 280; там же, t. IV, Paris, 1910, стр. 640.

¹⁸ Ср. A. Lüders, Op. cit., стр. 9 и Anmerk., 5.

¹⁹ А. Людерс считает не только возможным, но и вероятным участие Балдуина в убийстве Тороса. (Там же, стр. 80).

положение эдесситов²⁰), необходимо все же признать, что, представляя Балдуина соучастником заговора против Тороса, историк проявил несомненное гражданское мужество: ведь «Хроника» писалась в то время, когда Эдесса принадлежала франкам, а сам Балдуин, некогда властитель Эдессы, сидел королем в Иерусалиме. Тем не менее армянский хронист не считал возможным слишком щадить его репутацию²¹; сервилизм, надо думать, был не в нравах этого эдесского монаха, который, несмотря ни на что, раскрыл (хоть и не до конца) роль Балдуина в заговоре, обеспечившем переход власти над городом в его руки.

Соответствие нарисованной им картины подлинному положению вещей тем более вероятно, что коварство Балдуина, его участие в заговоре против Тороса может быть косвенным образом выявлено также с помощью данных, правда, скупых и отрывочных, содержащихся и в хрониках упомянутых выше латинских авторов.

По рассказу Альберта Аахенского, Торос, доведенный до отчаяния и готовый, отрекшись от власти, оставить Эдессу, умолял Балдуина защитить его перед горожанами: пусть только они даруют ему жизнь и позволят безо всего уйти из Эдессы. В награду за такое заступничество армянский князь посулил Балдуину все свои несметные сокровища, которые он ему тут же и открыл, — пурпур, золотые и серебряные вазы, огромное количество византийской монеты. Балдуин, как повествует хронист, проникся... состраданием к отчаявшемуся князю и согласился на его просьбы: отправившись к «вожакам народа», он убеждал их пощадить Тороса, не убивать его и будто он предложил им разделить между собою бесчисленные княжеские сокровища, которые сам он, Балдуин, видел²². Но заступничество не помогло: «Сенат и все горожане не желали слушать ни слов Балдуина, ни обещаний сокровищ»; «они единодушно кричали», что Торос «ни при каких обстоятельствах, ни за какое вознаграждение не уйдет от них живым». В конце концов, поняв бесполезность своих просьб и предложений выдать сокровища, армянский князь прекратил переговоры, которые вел из своей башни через Балдуина, отослал его самого прочь, опустил по веревке из окна вниз, где и был тотчас поражен тысячами стрел, а труп его брошен посреди площади²³.

У всякого не предвзято настроенного исследователя рассказ Альберта не может не вызвать определенных сомнений относительно действительного характера «посреднической» миссии Балдуина и его роли в гибели Тороса. И уж во всяком случае несомненно, что «сострадание» к Торосу, которое хронист приписывает графу как причину, побудившую его заступиться за него перед эдесситами, и оправдательные речи, вкладываемые хронистом в уста своего героя, отказывающегося участвовать в заговоре против Тороса, — все это не более как измышления панегириста лотарингского ополчения и его предводителей. Коварство и лице-

²⁰ См. A. Lüders, *Op. cit.*, стр. 80.

²¹ Ср. Petermann, *Op. cit.*, стр. 111.

²² См. Alb. Aqueen, стр. 355.

²³ Там же.

мерие Балдуина, засвидетельствованные источниками, слишком хорошо известны²⁴, чтобы можно было принимать всерьез эти данные за достоверные. Совокупное же рассмотрение известий Матвея Эдесского, Альберта Аахенского и Гийома Тирского наталкивает скорее на мысль, что Балдуин, соблазненный не столько сокровищами своего приемного отца, сколько, в первую очередь, перспективой занять его место, став правителем Эдессы, а вернее, и тем и другим, предал Тороса заговорщикам: «неудачная» посредническая миссия Балдуина, его мнимое бессилие справиться с мятежными горожанами, выступившими на стороне заговорщиков,— все это было лишь фарсом, искусно разыгранным им перед армянским князем²⁵.

Приоритет в достоверности принадлежит, как видим, армянским хронистам. Можно предположить, впрочем, что и они, со своей стороны, сгустили краски, когда изобразили Балдуина прямым и непосредственным участником комплота против Тороса и даже его убийцей (Василий Эдесский),— судя по самому рассказу Матвея Эдесского, он являлся приверженцем Тороса²⁶,—однако все-таки, повторяем, его свидетельства ближе к истине, чем уклончивые сообщения латинских хронистов, которые в своих повествованиях стараются с помощью надлежащих умолчаний скрыть или оправдать действия крестоносного захватчика Эдессы.

²⁴ См. у того же Alb. Aquep., стр. 345 и др. Любопытно в этой связи, что, согласно сообщению хрониста, даже власть в Эдессе Балдуин принял после упорного и долгого—разумеется, показного—сопротивления просьбам горожан. (Там же, стр. 355).

²⁵ Примечательно, что как только Балдуин прочно утвердился в Эдессе, он без особых усилий покончил с этими мятежными элементами (см. R. Grousset, *Histoire des croisades et du royaume franque de Jérusalem*, t. I, Paris, 1934, стр. 60). Заметим, кстати, что даже этот историк, старающийся при всяком удобном случае обелять крестоносцев, вынужден расценить роль Балдуина в заговоре эдесситов против Тороса как, «с моральной точки зрения», в высшей степени подозрительную. Груссе, впрочем, спешит добавить, что поведение графа Булонского, тем не менее, прекрасно «подтверждает его политическую ловкость», т. е. и тут не может обойтись без комплиментов этому вождю крестоносцев (там же, стр. 60). «Нелояльность» действий Балдуина в отношении Тороса несколько глухо признает и S. Runciman (*A History of the Crusades*, v. I, Cambridge, 1951, стр. 206). Отметим попутно, что Г. Г. Микаелян, пытаясь привлечь данные Альберта Аахенского для подтверждения истинности рассказа Матвея Эдесского об участии Балдуина в заговоре против Тороса, приписывает лотарингскому хронисту известия, которых в действительности в его произведении нет: «Согласно его рассказу (т. е. Альберта.—М. З.), Торос, видя опасность для своей жизни, согласен был отказаться от города и умолял Балдуина разрешить ему отправиться в Мелитену (?—М. З.). Балдуин обещал защитить его от заговорщиков при условии, что он передаст ему свои спрятанные сокровища (?—М. З.). Получив их, он не сдержал своего слова и позволил заговорщикам убить Тороса» (Г. Г. Микаелян. Указ. соч., стр. 74). Последний вывод правилен, но, как видно из приведенных выше отрывков из сообщений Альберта, почти все остальное изложение его известий у Микаеляна не соответствует тексту оригинала.

²⁶ См., например, похвалы Торосу в его «Хронике», указания на заслуги Тороса в борьбе с сельджуками и проч. *Matthieu d'Edesse*, Op. cit., стр. 15.

ԽԱՉԱԿՐԱՑ ԱՐՇԱՎԱՆՔՆԵՐԻ ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑՆԵՐԻ
ՀԱՂՈՐԴՈՒՄՆԵՐԻ ՆՇԱՆԱԿՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋԸ

Մ. Ա. ԶԱՔՈՐՈՎ (Մոսկվա)

(Ա մ փ ո տ ու մ)

1096—1270 թթ. խաչակրաց արշավանքների վերաբերյալ մեզ հասած տեղեկությունների հիմնական մասը գտնում ենք այդ արշավանքների ժամանակակից արևմտա-եվրոպական ժամանակագրություններում, որոնք կարևորագույն աղբյուրներ են արևելյան Միջերկրածովային շրջաններում խաչակիրների մղած դավթողական պատերազմների մասին: Դրված լինելով այնպիսի հոգևորականների և ասպետների կողմից, որոնք եղել են խաչակրաց արշավանքների մասնակիցները կամ ականատեսները, լատինական այս ժամանակագրությունները, հասկանալի պատճառներով, ջատագովական բնույթ ունեն: Նրանց կաթոլիկ հեղինակները, գունապարզելով եղելությունները, գովաբանում են խաչակիր ասպետների ուղղամական գործողությունները և խաչակրաց արշավանքները ոգեշնչող ու կալմակերպիչ հոգմեական եկեղեցու գործիչների «աստվածահաճո» գործերը: Այս պատճառով էլ լատինական ժամանակագիրների նկարագրած եղելությունների պատկերը շատ բանով տենդենցիոզ է ու թերի, իսկ հաճախ էլ պարզապես կեղծված է:

Սակայն խաչակրաց արշավանքների մասին ժամանակակիցների գրավոր տեղեկությունները չեն սպառնում լատինական աղբյուրներով: Այդ արշավանքներին վերաբերող բազմաթիվ տեղեկություններ մեզ են հասել արաբական, հայկական, բյուզանդական և այլ հեղինակների միջոցով:

Հոգվածում համագրվում են Եղեսիայում (Ուտհայում) 1098 թ. խաչակիրների գերիշխանության հաստատման հանգամանքների վերաբերյալ լատինական և հայկական ժամանակագիրների տեղեկությունները: Դունադարգելով խաչակիր-նվաճողների գործունեությունը, լատինական պատմիչները ժխտում են նրանց առաջնորդ նոմա Բալդուինի մասնակցությունը կյուրուպաղատ Թորոսի դեմ քաղաքային վերնախավի կաղմակերպած դավադրությանը: Նրանք նույնիսկ հաղորդում են, որ իբր Բալդուինը ձգտում էր փրկել իրեն որդեգրող հայ իշխանի նշանքը, տյու նպատակով բանակցությունների մեջ մտնելով դավադիրների հետ: Ի տարբերություն բացարձակապես ջատագովական այս վարկածի, հայ պատմիչ Մատթեոս Ուտհայեցին, որ քաջ տեղյակ էր իր հայրենի քաղաքում կատարվող անցքերին, Բալդուինին համարում է դավադրության մասնակից և նշում, որ վերջինս ուխտագրություն խախտել է Թորոսին տված իր խոստումը և փաստորեն դավաճանել իր «հորը»: Որի սպանությունը (1098 թ. մարտի 9-ին) Բալդուինի առաջ ճանապարհ հարթեց գեպի Եղեսիայի իշխանությունը: Մի ուրիշ հայ պատմիչ՝ Բարսեղ Եղեսացին, Թորոսի սպանության մեջ ուղղակի մեղադրում է Բալդուինին: Հեղինակի կարծիքով առավել հավանական է Մատթեոս Ուտհայեցու հաղորդումը, որը չվախենալով «Ֆրանկների» հնարավոր հետապնդումներից, հայտնում է ճշմարտությունը՝ առանց միտումնավոր չափազանցությունների:

Քննարկվող հարցերի կապակցությամբ հեղինակը հանգում է այն եզրակացության, որ խաչակրաց արշավանքների ժամանակակիցների հաղորդումները գնահատելիս ճիշտ չէ բոլոր գեպերում անվերապահորեն իրավացի հա-

մարեւ արեւելյան ժամանակագիրներին, ինչպես կարծում է Դ. Դմիտրիևը (տե՛ս «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1968, № 1, էջ 265)։ Սովորաբար թե՛ լատինական, թե՛ արեւելյան ժամանակագիրները յուբատեսակ միտումնավորություն են հանգես բերում։ Ճշմարտությունը ի հայտ բերելու համար յուրաքանչյուր անգամ անհրաժեշտ է բաղմակողմանիորեն և օբյեկտիվորեն համագրել հղած բոլոր նյութերը՝ հաշվի չառնելով նրանց ծագումը։